ОСТРОВА И АРХИПЕЛАГИ
РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА

Под общей редакцией начальника МАКЭ
П.В.БОЯРСКОГО

Посвящается 140-летию открытия Земли Франца-Иосифа австро-венгерской экспедицией
под руководством Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера (1873 год)
и 100-летию русских полярных экспедиций Георгия Яковлевича Седова
и Георгия Львовича Брусилова (1912–1914 годы)

Paulsen

УДК 84
ББК 82

Земля Франца-Иосифа. Монография. Под общей редакцией П.В. Боярского. –
Москва: Издательство «Paulsen», 2013. – 680 страниц: иллюстрации.

ISBN 978-5-98797-077-5

Автор идеи, общей концепции серии «Острова и архипелаги Российской Арктики», теоретических основ и методик комплексного выявления, исследования, описания и сохранения культурного и природного наследия Российской Арктики и историко-географических экспериментов – начальник и научный руководитель МАКЭ П.В. Боярский

Под общей редакцией П.В. Боярского
Редакторы-составители: И.Б. Барышев, П.В. Боярский, Ю.К. Бурлаков, А.Н. Кулиев

Авторы (в скобках цветом указан номер части, черным – раздел внутри этой части):
И.Б. Барышев (01-**04**; Топонимика), Ф. Бергер (01-**02**), Д.Ю. Большиянов (Географическая справка, 02-**06**; 02-**07**), П.В. Боярский (Введение; 01-**01**; 01-**04**; Исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ)...), Ю.К. Бурлаков (01-**03**; Именной указатель; Географический указатель), Л.Ю. Васильев (02-**05**), М.В. Гаврило (02-**10**), С.В. Горячкин (02-**08**), И.В. Грищенко (02-**05**), В.С. Грузинов (История картографирования...), А.А. Дановский (Останки участника экспедиции...), В.А. Дымов (02-**02**.02), Н.В. Качурина (02-**03**), В.Б. Коробов (02-**01**), Н.А. Кузнецов (01-**03**), А.Н. Кулиев (02-**09**), А.А. Макарьев (02-**02**.02; 02-**02**.03), Е.М. Макарьева (02-**02**.01; 02-**02**.02; 02-**02**.03; 02-**02**.04), М.В. Меньшикова (01-**05**), И.С. Михайлов (02-**08**), Ю.М. Плюснин (Поведение и психология человека на Севере...), А.В. Пятницкая (История картографирования...), А.И. Погорельский (02-**04**), Н.Н. Ружникова (02-**01**), К.А. Сахарова (02-**04**), О.Ю. Свиридова (Гурии и средства навигационного оборудования ...).

Редакционная коллегия:
Профессор П.В. Боярский (председатель), профессор Е.В. Кудряшова (заместитель председателя), директор Государственного архива Архангельской области В.И. Ананьин, кандидат физико-математических наук В.И. Боярский, вице-президент Ассоциации полярников Ю. К. Бурлаков (ответственный секретарь), кандидат географических наук Л.Ю. Васильев, профессор Ю.С. Великанов, профессор Л.Е. Востряков, кандидат физико-математических наук А.И. Данилов, кандидат биологических наук Р.В. Ершов, академик РАН В.М. Котляков, академик РАН Н.А. Макаров, доктор экономических наук В.И. Павленко, академик РАН В.А. Тишков, кандидат физико-математических наук А.В. Фролов, профессор И.Е. Федоров, член-корреспондент РАН А.Н. Чилингаров, вице-адмирал В.С. Ярыгин.

В подготовке монографии к изданию принимали участие сотрудники МАКЭ: В.В. Боярский, Н.П Боярская, Ю.С. Великанов, Б.В. Долгов, С.В. Евтеев, И.М. Епихин, У.А. Журинская, Ю.С. Захаров, И.С. Клыгина, Б.А. Новиков, О.Ю. Свиридова, В.П. Столяров, О.Г. Попов, А.Б. Умняшов, Г.С. Храпов, Т.И. Чернова, Р.В. Чудинов.

Обработка и подготовка рисунков к изданию: О.Ю. Свиридова.

Переводы дневников первопроходцев ЗФИ: Н.П. Боярская (с английского и немецкого языков), А.Б. Умняшов (с английского языка)

Дизайн серии, макет, верстка, препресс – Artkitchen (www.art-kitchen.ru):
А.Ю. Ващенко, А.А. Дубинский, Д.А. Корчуганов, М.В. Сарабьянов

Третий том новой научной серии «Острова и архипелаги Российской Арктики» посвящен истории освоения, культурному наследию и природной среде самого северного архипелага Российской Арктики – Земле Франца-Иосифа (ЗФИ). В его основу легли результаты многолетних исследований Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва) под начальством и научным руководством П.В. Боярского на архипелаге, в архивах, библиотеках и музеях, начатые в 1990 году и с небольшими перерывами продолжавшиеся вплоть до 2013 года. В описании природной среды архипелага приняли участие не только сотрудники МАКЭ, но и ведущие специалисты-исследователи из научных и профильных учреждений России. Один из разделов подготовлен доктором исторических наук Франком Бергером из Германии. Впервые в томе приводятся (в разделе «Летопись освоения ...») переведённые на русский язык дневниковые записи участников известных зарубежных экспедиций на Землю Франца-Иосифа.

Результаты исследований МАКЭ материальных объектов культурного наследия убедительно доказывают приоритет России в освоении всех островов и архипелагов Российской Арктики, вне зависимости от государственной принадлежности первооткрывателей (например, Земли Франца-Иосифа и острова Врангеля).

Издание предназначено для широкого круга ученых, занимающихся проблемами Арктики. Оно может быть использовано в качестве пособия для студентов высших учебных заведений и аспирантов.

Макет книги подготовлен при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации

© Издательство «Paulsen»
© П.В. Боярский

Данное издание охраняется в соответствии с законодательством РФ об авторских и смежных правах.
Любое использование материалов данного издания без письменного разрешения издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА 13

01 ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
15 416

ЛЕТОПИСЬ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЛИ ФРАНЦА ИОСИФА 17

ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ ФРАНЦА ИОСИФА 149

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ АРХИПЕЛАГА 195

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРХИПЕЛАГА

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА 225

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАКАЗНИК ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА» 409

02 ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИПЕЛАГА
417 555

ОКЕАНОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ (МОРСКИЕ ВОДЫ) 419

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ 429

ГЕОМОРФОЛОГИЯ 465

ГЕОЭКОЛОГИЯ 477

КЛИМАТ 491

ЛЕДНИКИ 497

РЕКИ И ОЗЕРА 503

ПОЧВЫ 507

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ 513

ЖИВОТНЫЙ МИР 533

ТОПОНИМИКА 557

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 593

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 601

ИСТОРИЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ ФРАНЦА ИОСИФА (XIX ВЕК) 611

ГУРИИ И СРЕДСТВА НАВИГАЦИОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ НА ЗЕМЛЕ ФРАНЦА ИОСИФА 623

ПОВЕДЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРЕ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАКЭ 629

ОСТАНКИ УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ Г.Л. БРУСИЛОВА, НАЙДЕННЫЕ НА ЗЕМЛЕ ФРАНЦА ИОСИФА 645

ИССЛЕДОВАНИЯ МОРСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (МАКЭ) 38 ЕЖЕГОДНЫХ ПОЛЕВЫХ СЕЗОНОВ В АРКТИКЕ 649

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 674

ПОВЕДЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (МАКЭ)

627–639

Осенью 1986 года в Новосибирске на Всесоюзной конференции по проблемам Севера я познакомился с начальником МАКЭ П.В. Бояровым и он пригласил меня участвовать в качестве психолога и социолога в полевых исследованиях в Арктике в составе только что созданной им в Научно-исследовательском институте культуры Министерства культуры РФ Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). Я с воодушевлением согласился, но мои полевые исследования в составе МАКЭ начались позже, в 1989 году, когда была организована очередная экспедиция на остров Вайгач. Всего же в составе МАКЭ я провёл 4 исследования: два из них, где я выступал в качестве психолога, были социально-психологическими (это Вайгач в 1989 г. и Пустозерск-Нарьян-Мар в 1991 г.), а два других были скорее социологическими (Белое море в 1989 г. и Мезень в 2006 г.). Ниже я дам краткое описание каждого из этих полевых социальных исследований. После каждой пары тематически общих работ я приложу некоторые общие научные результаты, полученные в них. Эти результаты относятся к довольно обширным районам Арктики и Крайнего Севера в европейской части России (вплоть до Урала). На с. 33 представлена карта обследованных территорий с указанием населённых пунктов.

01 СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

01 ВАЙГАЧ 1989

Экспедиция состояла из четырёх отрядов, автономных в работе и передвижениях. Два небольших отряда (по 5 человек) осуществляли работы по восточному и северному берегам острова, третья команда составила группу ныряльщиков, базировавшихся на мысу у бухты Корабельной (Сухой губы, Долгой губы) и обеспечивавших связь между отрядами. Самым большим по численности был отряд из 12 исследователей под руководством П.В. Боярского, осуществлявший работы в бухте Хуловой губы, долгой и неспокойной. Описание собственно моторного вездехода

Собственно, эта группа из 12 мужчин и была для меня, как «штатного» психолога экспедиции, основным и постоянным объектом наблюдений и экспериментов. Исходно в нашей команде, общим объёмом почти все мы были мужчинами. Различия по возрасту были крупными: самые молодые в 21–26 лет, самые старшие – 55–60 лет, хотя большинство было в возрасте 35–40 лет. Приехали мы из разных концов страны, из Москвы и Питера, Воркуты и Новосибирска, Казани и Мурманска. Соответственно, у нас дома все мы жили в самой разной среде и обстановке, далеко не всегда благополучной. Были историк и археолог, плотник и математик, биолог и физиолог, геолог и психолог, архитектор и кинооператор, журналист и инструктор альпинизма. Это была команда, состав которой в полной мере обеспечивал комплексность работы. Разнообразие профессий и родов занятий сливалось в командном единстве, выраставшем из нашей общей любви к Арктике. Различие характеров, темпераментов, личных опытов, профессий сливалось в общей работе и результатом явилось ощущение единства нас как команды. Вот о каком духе нашего коллектива я хочу сказать.

Белый медведь оравлен в лагере МАКЭ на мысе Флора
Фото И.М. Ершова. МАКЭ. 1990 г.

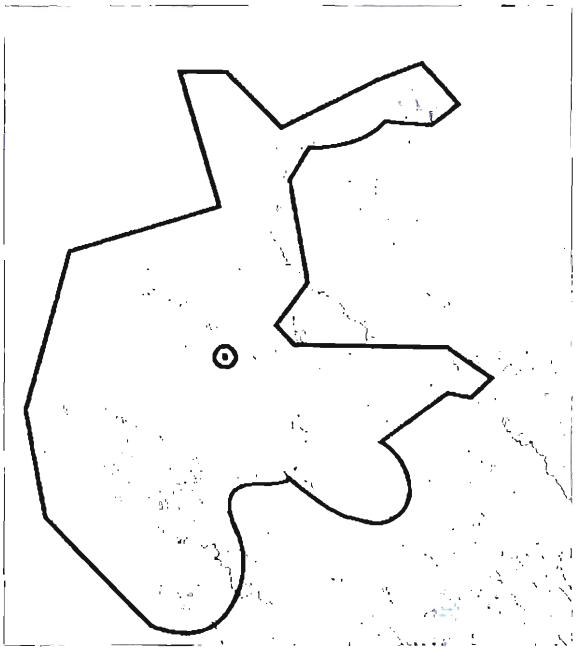
Рис. 1.2. Районы Арктики и Крайнего Севера европейской части России, где в разные годы проводились социальные исследования во время экспедиции МАКЭ

ял нас ни на день. Недаром в конце работ, по признанию каждого из нас, эта экспедиция оказалась одной из лучших, а ведь почти у всех за плечами было не по одному десятку «полей».

В вайгачской экспедиции основной целью моей работы было составление социально-психологического «портрета» команды. Он вырисовывался с помощью нескольких методических приёмов. Во-первых, определялся психологический профиль каждого из членов команды. В такой профиль входила оценка индивидуального темперамента, уровня «природного» интеллекта, основных черт характера и ценностных установок человека. Всего регистрировалось около 80 отдельных психологических показателей, от эмоциональности и ригидности, до уровня общительности, способности к доминированию, живости интеллекта и неофилии-неофобии (прирождённой склонности к новому, или напротив избеганию всего нового). Данные по каждому члену команды собирались с помощью широко известных или, напротив, мало используемых психологических тестов и вопросников. Каждый из членов команды получал комплект тестов, которые он заполнял в свое свободное время. После обработки результатов, человеку назначалась приватная «аудиенция» у психолога где-нибудь среди скал на берегу моря. Здесь в уединении, в течение 2–3 часов шла детальная разборка «целостной личности» на отдельные части и компоненты. Не всегда успевали собрать разобранное. Однако эта психодиагностическая работа, хотя и объёмная, и наиболее зримая со стороны, была лишь небольшой частью исследовательского плана и имела второстепенное значение. В некотором смысле она даже предназначалась для того, чтобы скрыть от внимания членов отряда более важные наблюдения.

Собственно, эти наблюдения — так называемые включенные, поскольку наблюдатель находится в составе отряда — представлялись мне наиболее важными с точки зрения оценки повседневного поведения людей, групповой динамики и структуры жизнедеятельности команды. Они составили достаточно обширный второй методический приём изучения группы. В этом случае я выступал уже не в качестве психолога-консультанта, а в качестве социолога-наблюдателя реального повседневного поведения людей в ситуации полной изоляции. Изоляция отряда позволила описать поведение каждого в максимально «очищенном» виде — как поведение индивида, находящегося под влиянием строго определённого ограниченного и всегда постоянного числа других людей.

Основные аспекты, которые изучались с помощью объективных методов, три: это индивидуальное и групповое пространственное (территориальное) поведение, коммуникативная активность и групповая иерархия. Они тесно переплетены в поведении каждого человека и могут поэтому изучаться (фиксироваться) одновременно, иногда даже с помощью одних



методик. В результате месячных ежедневных наблюдений были зафиксированы индивидуальные особенности персонального пространства и организация жизненного пространства всей группы (первичной и вторичной территории группы). Анализируя динамику перемещений членов отряда по берегу острова, мне удалось зафиксировать процесс освоения пространства всего развития.

На *инл. 733* показана структура территории нашей группы на острове, какой она была освоена командой за месяц экспедиции.

Наблюдение и фиксация актов коммуникации группы в ситуациях свободного взаимодействия (перегламентированного рабочими задачами) позволила описать структуру коммуникативной активности группы и коммуникативные профили каждого ее члена. Они были соотнесены с особенностями пространственного поведения и социодинамическими характеристиками людей — местом каждого человека в формальной и ролевой «иерархии».

На *инл. 734* показана социоэтологическая структура группы — каждый член команды охарактеризован тремя индикаторами: групповым статусом, уровнем коммуникативной активности и структурой персонального пространства.

Наконец, третьим методическим приемом, направленным на оценку сплоченности группы, получения характеристик её солидарности являлись игровые симуляции. Я привёз с собой известную игру «Дипломатия» (иначе называемая «Первая мировая война»), которая моделирует дипломатический договорной

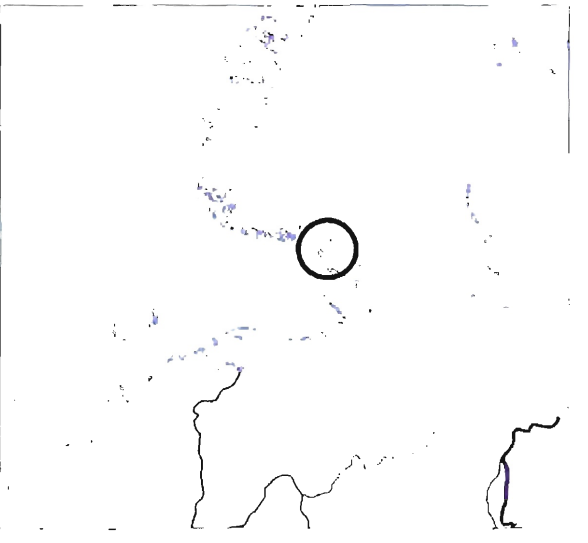
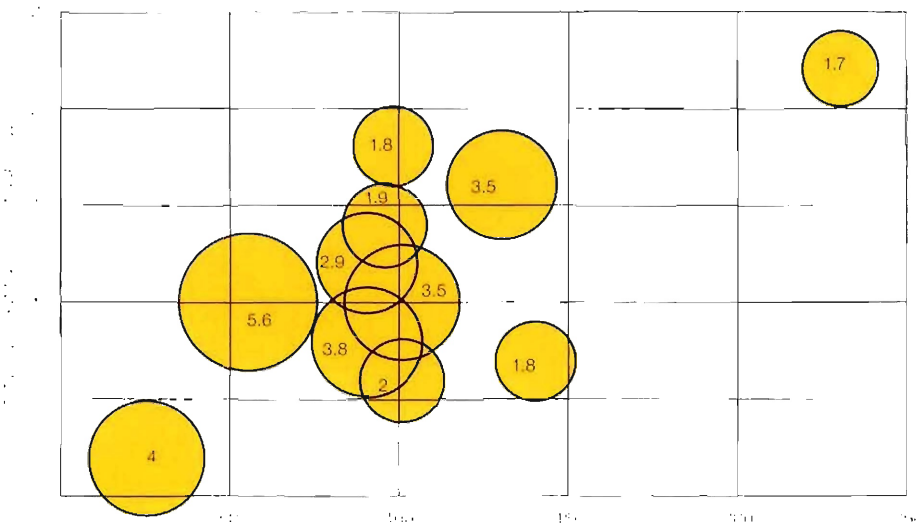


Рис. [illegible]. Структура территории полярной экспедиции МАКЭ в августе 1989 года и этапы её освоения

На основном рисунке чёрной ломаной линией показана территория северной оконечности о-ва Вайгач (п-ов Дыроватый, губа Долгая, п-ов Долгий, о-в Заячий, м. Болванский Нос, г. Болванская, р. Янго-Яха и Зеленая), исследованная и «освоенная» группой пешком и на мотоботе. Небольшой кружок и чёрное пятно в районе бухты Худой в губе Долгой соответственно, указывают местоположение и размеры вторичной и первичной территории группы (территория постоянного обитания и непосредственного бытования группы).

На врезке 1 ломаными линиями показаны этапы «освоения» территории, начинающиеся от точки обитания в бухте Худой и от временной базы экспедиции в губе Дыроватой. На врезке 2 в мелком масштабе показан район работ экспедиции в 1989 году.



Социодистанционная структура изолированной группы по трем основным индикаторам: статусу члена группы, его уровню коммуникативной активности и размеру персонального пространства. Каждый член группы обозначен кругом равного диаметра (соответствующим площади персонального пространства) в координатах группового статуса (по оси ординат) и коммуникативной активности (по оси абсцисс)

По этическим соображениям члены малой группы не персонифицированы, рисунок демонстрирует лишь структуру сплоченной группы, в которой выделяется единственный лидер по статусным и коммуникативным признакам, а остальные члены команды образуют весьма однородное ядро. В команде почти отсутствует периферия (за единственным исключением).

Статус определялся по совокупности формальных и неформальных показателей и характеризуется относительным рангом индивида в группе. Выражен в условных единицах в интервале от 0 до 2.

Коммуникативная активность определялась по совокупности показателей - количеству обращений индивида к другим и к нему самому со стороны остальных членов группы за единицу времени, количеству членов группы, взаимодействующих с индивидом в течение одного контакта, числа людей, к которым индивид обращается одновременно, доля контактов, во время которых индивид является центром коммуникации. Измеряется в процентах от среднего числа обращений к индивиду/индивида к другим в группе, в среднем равному 100%.

Размер персонального пространства (в квадратных метрах, значение показателя указано в центре круга) определен как площадь овала по трем расстояниям от границ тела спереди, сбоку и сзади до ближайшего соседа в момент коммуникации индивида с одним или несколькими другими членами группы во время неформального взаимодействия (например, во время отдыха, во время ожидания обеда и вечером после еды).

процесс. Ключевым моментом является необходимость заключения закрепляющих договорённостей, проще говоря, обман и предательство, завершающееся исключением участника из процесса игры. Метод этот жесткий, эмоционально нагруженный и в игровой ситуации позволяет оценить уровень сплочённости группы и есть моральную дифференциацию - что оказывается важным для оценки эффективности групповой деятельности, особенно в критических (экстремальных) ситуациях. В результате проведения нескольких игр удалось оценить степень сплочённости команды и её сопротивляемость к разрушению. Игры показали, что команда, хотя и набрана была случайным образом, быстро прошла процесс самоорганизации и уже к концу второй недели своего существования стала сплоченным коллективом.

Собранный материал оказался очень объёмным и, как я прекрасно понимал, нелегко публикуемым в те годы. Ни один научный журнал у меня бы его не принял. Поэтому я подготовил лишь обобщающую статью и представил ее в качестве материала для будущих сборников МАКО. Доклад на нескольких тестовых семинарах НАТО сделал до конца специфике поведения людей в Арктике.

02 ПУСТОЗЕРСК И НОВАЯ ЗЕМЛЯ 1991

Экспедиции этого года вокруг местности первого русского полярного города Пустозерска хотя и не были посвящены совершенно автономной деятельности отряда, поскольку базировались в деревне Усть (в трех километрах от места расположения исчезнувшего в водах древнего города), не предоставили исключительно интересный психологический материал. Во-первых, МАК был более многочисленной, состоял из 22 человек, и в нем были две женщины, что существенно изменяло и усложняло структуру взаимодействия членов команды.

Во-вторых, экспедиция была мобильной, поскольку нам предполагалось использовать вертолеты Варзуга-Морского авиаотряда для дальних разведок. Отряд перемещался в акватории Печорского и Баренцева морей, разбивался на группы, которые в течение нескольких дней работали автономно, а в конце экспедиции вообще разделился на две части: большинство вернулось в Москву, а 9 человек мужчин отправились на ледовую станцию «Мыс Мелиоратор» для работ по восточному берегу Южного острова Новой Земли с последующим выходом в остров Вайгач.

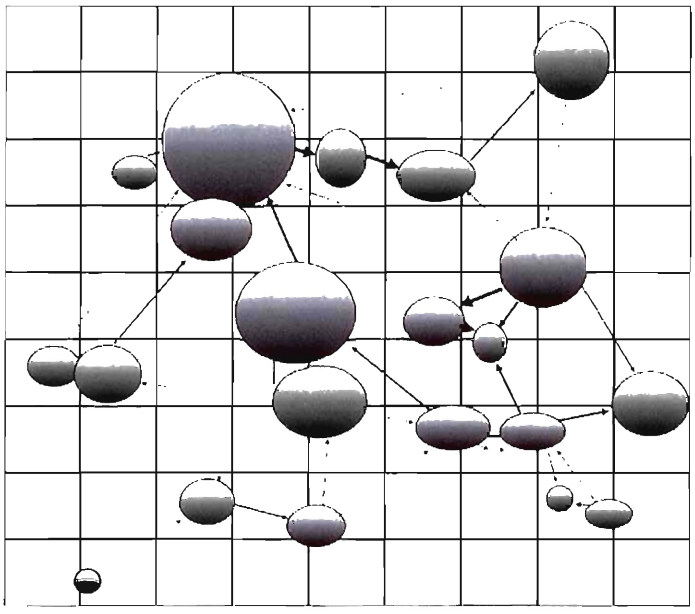
В этих условиях мои исследовательские задачи усложнились. Прежде всего я мог, как и прежде, наблюдать групповую структуру и ее скоротечного развития. Изменения со временем в составе группы и автономные перемещения ее отдельных членов усложняли развитие структуры внутригрупповых коммуникаций и складывание неформальных взаимозависимостей между людьми. Мне пришлось использовать несколько новых методов, часть из которых была оригинальные проективные игровые методики (несколько позднее разработанные мною для изучения подростковых и юношеских групп), чтобы в сжатые сроки пребывания отряда в том или ином составе суметь описать достаточно полно структуру группы с учетом предпочтений о членах каждого из членов. Это удалось благодаря двум обстоятельствам.

Во-первых, помимо обычного для меня метода включенного наблюдения за развитием групповой структуры, я использовал игровую проективную методику (рабочее название «Я и мое ближайшее окружение») для создания обобщенного образа структуры группы, как правило, всех членов образов этой структуры, имеющихся у каждого члена команды. На квадратной деревянной доске размером 40×40 см испытуемый должен был разложить (а не бросать) круглые камни морской гальки разного размера и веса, считая при этом, что определенный, выбранным им камень из общей кучи, символизирует конкретного члена команды. Таким образом испытуемый, выбирая большой или маленький камень, на деле относительным весом каждого члена отряда. Расставляя камни на доске, он фиксировал и относительные расстояния между людьми. Каждый член команды в обязательном порядке должен был дать индивидуальное представление о том, какой вид имеет это отношение, сложившееся в ходе его структурной и субординационной включенности в команде. Суммирование всех 22 «представлений» (их почти автора методики) позволяло определить как усредненную групповую структуру (в этом случае был зафиксирован «групповой» каркас системы отношений, общий для социальных всех участников), так и индивидуальные варианты в представлениях об этой структуре (в таком случае открывалась возможность сопоставить представление о структуре группы с личностными чертами и индивидуальными особенностями поведения).

Наконец, мне показалась адекватной для данной структуры команды относительно простая характеристика групповой сплоченности команды (в широком смысле — как средней массы всех взаимных выборов для конкретного человека всеми членами команды). Расстояния между группами — обратно пропорциональны взаимной близости людей. Топология отношений их направленное показывает связность между конкретными членами команды. Особенности сплоченности команды и характер ее динамики способствовали в том, что существующие в ней подгруппы со временем имеют тенденцию — первое время, в течение каждого сезона, групповую сплоченность (каждый из них в Вайгач-экспедиции 89 года)

Вторым обстоятельством, которое восполнялось техническими средствами — видеокамерой и занимался фиксацией спонтанного свободного поведения членов команды (в пределах для такого наблюдения времени — перед отправкой после приема пищи в перерывах между сеансами) с последующим определением персональных параметров пространственного поведения и коммуникативной активности, а также обычных привязок межперсональных временных взаимодействий. Эти наблюдения осуществлялись с использованием метода «хронометражного» кодирования Н. Альтманн с авторскими модификациями. Были получены 3 часа 1 минут видеозаписи «моментальных» речи групп в течение 20 дней, которые составили массив объективных данных по структуре поведения каждого члена команды и структуре сложившихся отношений в команде.

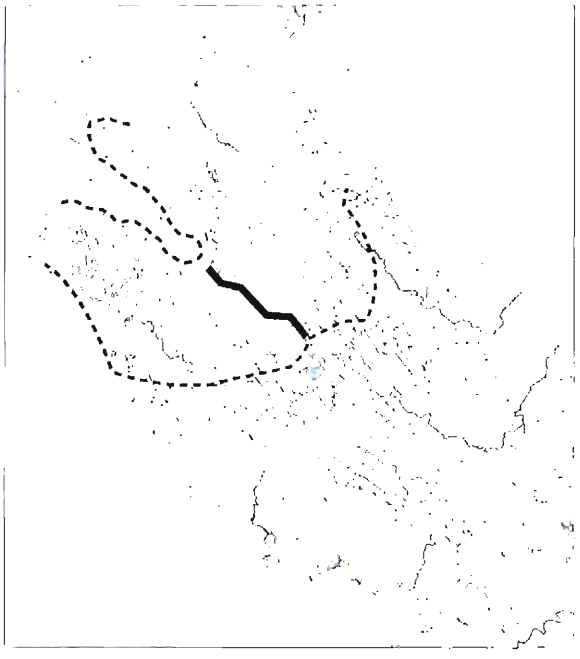
Психологическое тестирование каждого участника экспедиции осуществлялось по уже зарекомендованной схеме, соответствовавшей той, что мы применяли в Вайгачской экспедиции 1989 года. Это позволило провести обследования со участников в точно той же программе. Эта работа была дополнена опросниками игровыми методиками, с помощью которых психологический портрет, свое поведение в пространстве



Структура изолированной группы из 22 человек (Пустозерск – Новая Земля, 1991) по совокупности социодинамических показателей. Члены группы репрезентированы камнями разного объема и массы. На рисунке камни представлены овалами с тональным заливом. Камни разбросаны по доске, разграфленной сеткой 9 х 9 на 81 квадрат, что образует координатную сетку «социального поля», это позволяет измерить взаимную близость индивидов в группе и образованные ими «ступени» – внутригрупповых альянсов.

Размер каждого камня соответствует усредненному по групповым оценкам относительному «весу» члена группы, или, что то же его статусу. Чем больше диаметр и масса камня, которым обозначают конкретного члена группы все остальные его товарищи, тем выше его статус в группе, и наоборот.

Расстояния между камнями характеризуют степень близости между членами группы. На рисунке представлены усредненные расстояния, на которых, по мнению всех членов группы, располагаются ее члены. Близость или удаленность камней друг от друга отражает межиндивидуальные предпочтения или избегания. Обрадуемые группки по 2-3 или более индивидов, определяемые по тесноте расположения камней, указывают на существование нескольких альянсов внутри команды. Стрелками разной толщины и направленности эти альянсы структурированы более определенно.



Пример разграничения охотничьих территорий (по информации охотников на северо-западном побережье о-ва Вайгач). Каждый участок занимает территорию до 300-400 кв.км, и границы не определяются не оформленными текстами, а устными договорами, граница между двумя участками проходит по реке Зеленой, устье которой в куте губы Долгой, это единственный делимитированный рубеж. Остальные границы определены естественным образом (побережьем моря), либо не определены вовсе (в глубине острова граница участка зависит только от способности охотника освоить пространство).

стве и путь взаимодействия с другими людьми, а вторая — связанность самого человека и канализацию поведения этого человека с реальным пространственным поведением этого человека.

03 КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОВЕДЕНИЯ И ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИКЕ

Детерминантами поведения аборигенов выступают специфические особенности системы социальных отношений арктического местного общества. Структура поведения модифицируется здесь в соответствии с необходимостью существования в данной природной пространственной и коммуникативной позиции, в среде преобладания родственных и соседских отношений, которые предполагают партикулярный характер связей. Важна и такая особенность, как верифицированный характер соподчиненных отношений. Формальные связи переплетены и «вросли» в системах частных (дружеских и соседских) отношений. Всё это придает системе социальных отношений надстройки отчетности и смысл ключевых отношений. Это обусловливает и специфичные поведенческие стереотипы. При этом они оказывают вторичное влияние на индивидуально-психологические особенности человека таким образом, что в процессе групповой социализации формируется совокупность определенных личностных характерологических черт, адаптивных по отношению к требованиям социальной среды. Это один из путей развития поведенческого своеобразия в данных арктических условиях. Другим путем является отбор взрослых индивидуумов, имеющих предрасположенность к таким условиям — они психологически уже приспособлены к специфическим экологическим и социальным условиям Арктики.

1 ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

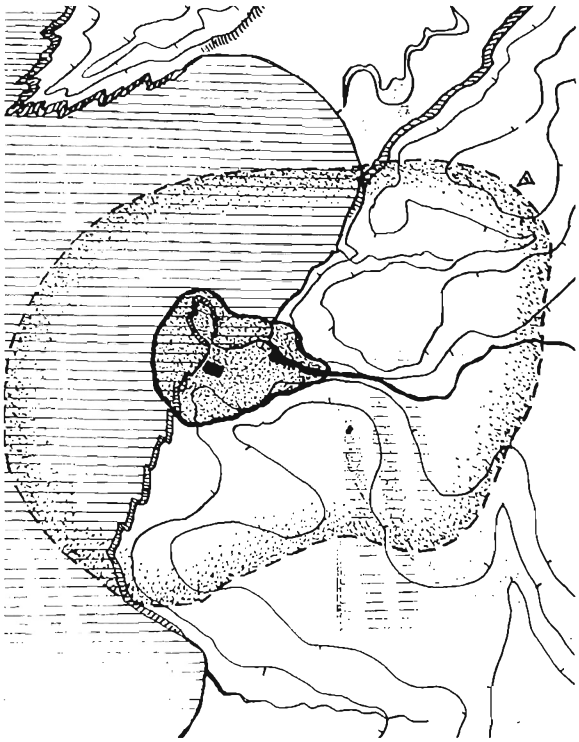
Основные, по моим наблюдениям, особенности структуры социального поведения человека в Арктике следующие. Здесь у людей характерна пространственная экспансивность поведения, потребность и стремление к освоению и контролю значительной по площади территории. Индивидуальные и коммунальные контролируемые пространства (территории), как правило, на порядок и иногда на два порядка превышают размеры соответствующих территорий в умеренной зоне. В связи с этим характер отношений по поводу границ любого типа носит нескончаемый, договорной характер, пространственные границы в конечной степени определяются физическими формами, и в основном обеспечиваются коммуникативными средствами. Иными словами, на границах территории не ставятся пограничные столбы и не роются рвы вокруг домов, но устанавливаются коммуникативно-символические рубежи по основе переговорных договоренностей (своей охотничьей участок от губы Дыроватой бухты до Звёздной реки, плюс острова — Сандей, 2016, на которой показаны индивидуальные охотничьи участки охотников в северной части острова Вайгач, границы которых определены на основе показаний одного из охотников).

Для человека в Арктике характерно в то же время пространственная консервативность, стремление «прикипеть» пространственно максимально долго во времени. Причем консервативность характеризует прежде всего отношение к вторичной территории, где в таких пространствах, которые обеспечивают человека основными ресурсами, здесь человек *обитает* (с ручей у Сакерной избы — и здесь не граница между родовыми и пальтоскими жилищами — и это действительно так, потому что по жилищам границы между этими сезонными общностями было зафиксировано в Писцовых книгах по 1623 году, см. стр. 73).

Во отношении же к первичной территории — «дальнему пространству», где человек *бывает* — наоборот, проявляется его отчетливо выраженной принадлежности. В пространстве обширных размеров вторичной территории пространственная деятельность жизнеобеспечения структурирована по мелким ячейкам, что представляется также экологически целесообразным. На илл. 7.38 показано соотношение между первичной и вторичной территориями, сформированными в течение жизни коренной поварных оседлостей в 1989 году на Вайгаче (этот рисунок соответствует стр. 73).

В взаимоотношениях общества имеется место жесткое, но все же ситуативное распределение функционально-ролевых позиций членов. Причиной такой «жесткой неодновременности» является не только малочисленность общества и высокая персональная позиция ролевых позиций их членов, но и их внефункциональный характер деятельности, ведущий к универсальности каждого человека. Это приводит к слабой выраженности и диффузированности (атомарности) системы иерархических отношений в небольшом и замкнутом сообществе. Отсутствует жесткость упорядоченности статусов и соподчиненность, нарушается скорость родственных связей и индивидуальном и лишних, даже не формализованных социально-профессиональных привязках.

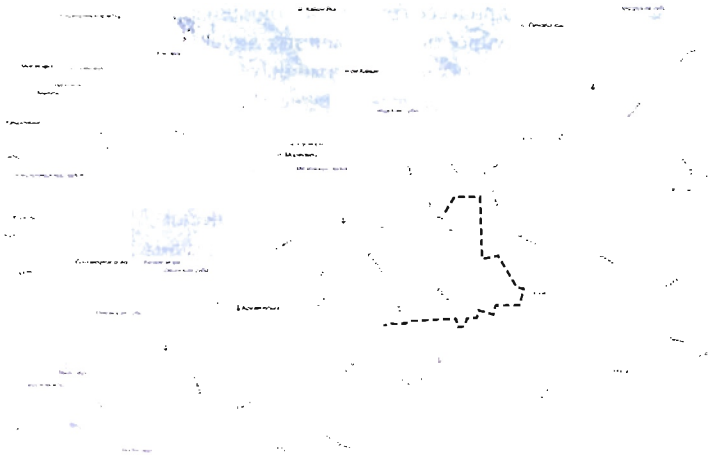
Вероятно, большое влияние трансформирует коммуникативная составляющая поведения членов арктического сообщества. Надо отметить ведущий ряд вариативных особенностей. Коммуникативная система местного общества подчинена принципу плюсменного (переговорно-договорного) характера, причем пер



Илл. 737. Соотношение между первичной (внутреннее кольцо неправильной формы, ограниченное сплошной жирной линией) и вторичной (наружное кольцо, ограниченное штриховой линией) территорией изолированной группы (Вайгач 1989, 11 человек).

На первичной территории – в лагере – осуществляется непосредственная жизнедеятельность людей, их бытование; здесь располагаются жилище, склад провианта, источник воды, очаг и запасы топлива, уборная, места отдыха. Эта территория контролируется путём постоянного пребывания на ней людей.

Вторичная территория – пространство повседневного обитания, которое также контролируется в постоянном режиме (но преимущественно визуально), где производится сбор наиболее важных ресурсов (дров), оно используется для прогулок, но в целом не является столь важным как первичная территория



Илл. 738. Границы территорий местных обществ Кевролы (Коми) и Мезени (Лешуконье) сохраняются в неизменности не менее чем с XVI века (официально они были зафиксированы в Писцовых книгах 1623 года, где указаны пограничные линии общинных земель по р. Мезени между Родомой и Латьюгой, по р. Мезенской Пижме и р. Кулою)

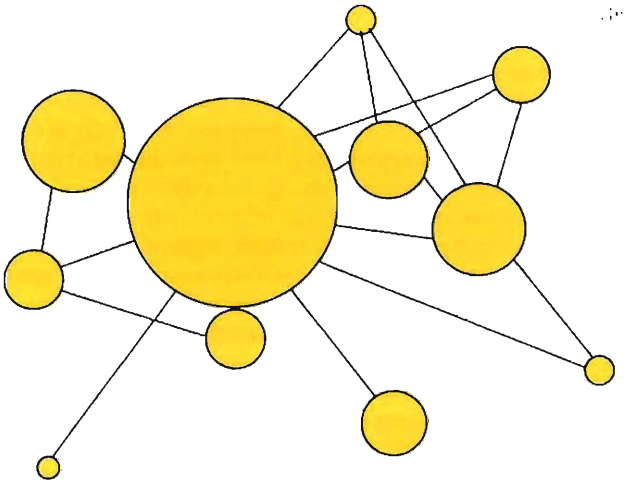


Рис. 2. Граф коммуникативной структуры изолированной группы (Вайгач 1989, 11 человек). Площадь вершин графа характеризует коммуникативную активность индивида по совокупности параметров (инициативность коммуникации, интенсивность коммуникации, лидерство коммуникации и центральность коммуникации). Взаимное положение вершин и расстояния между вершинами указывают на наиболее частные (предпочитаемые) контакты между конкретными индивидами. Отмеченные на графе ребра указывают только на наиболее существенные коммуникативные связи между парами индивидов (без указания интенсивности парных коммуникаций). Граф является звездой с абсолютным уровнем централизации (центральная вершина репрезентирует лидера и инициатора коммуникации, являющегося одновременно центром внимания, одновременно это и руководитель экспедиции).

сона изация охватывает не только членов одного общества, но объединяет группу из нескольких пространственно очень разобщенных местных обществ. Наряду с этим, как дополнительный признак по отношению к неанонимности коммуникации, общение имеет замкнутый характер. И при этом оно интенсивно: члены сообщества находятся в постоянном общении. Интенсивность и, соответственно, высокая значимость для каждого человека коммуникативного процесса наиболее выражена внутри самого общества.

Напротив, ценность же внешней информации субъективно невелика. Поэтому в информационном отношении такое изолированное общество замкнуто. Система коммуникации строится на принципе *приватности сообщения*. Формальные по содержанию сообщения приобретают индивидуально-личностную окраску. В силу этого процессу коммуникации свойственна низкая функциональная нагруженность, собственно говоря, предпочтение отдается не информационной, но психологической составляющей сообщения (контексту, а не контенту). Сами акты коммуникации, как правило, интегрированы тематически и эмоционально.

Структурные параметры коммуникации характеризуются высокой интеграцией и централизацией общения. В коммуникативном процессе выделяется явный «лидер общения» — центр коммуникации, которому прежде всего адресуется сообщение и который проявляет максимальную инициативность при передаче информации. На *зона 730* показан граф коммуникаций в изолированном сообществе и приведены значения интеграции (выше 2–3) и централизации (граф выглядит почти звездой, что соответствует абсолютной централизации связей).

Еще одной особенностью коммуникативного поведения является отсроченный во времени процесс передачи информации: общение не только «разнесено» в пространстве, но оно и растянуто во времени. Сообщение может быть необычно «протяженным», когда начавшись в какой-то момент времени, оно как бы «растягивается» в своей информационной части, так что завершение сообщения отсрочено во времени на дни и целые месяцы. Например, тематически однородное сообщение о рыбной ловле на конкретном озере может начаться как акт информационный, но затем продолжаться в качестве исключительно эмоциональной коммуникации, не несущей никакой информации о первоначальном предмете, и лишь спустя какое-то время, когда внешние участники уже забыли о теме, коммуникация вновь приобретает значение информационного обмена — бывает, что промежуток между началом сообщения и его завершением составляет несколько дней или недель. Еще более контрастен с точки зрения привычных представлений об информационном обмене коммуникативный акт, в котором ответ на заданный вопрос может быть получен через несколько часов или дней, при этом по формальным признакам ответ не отличается от того, как если бы он был дан сразу после вопроса. В привычном нам коммуникативном поле городской среды такое общение представить невозможно.

Следует указать также на преимущественную ориентацию коммуникации в прошлое и ее фиксированность в настоящем при явном снижении значения такого аспекта, как и лапирование будущей деятельности. Иными словами, в изолированном северном сообществе значение прошлых событий много важнее будущих и они существенно определяют текущие события.

Все эти отмеченные особенности структуры социального поведения человека в Арктике в целом характеризуют поведение представителя архаического или традиционного общества, но не современного общества. Те объяснения этому феномену, которые лежат на поверхности, напрямую связаны с давлением экологических обстоятельств на общество, движимое его возможностями, что оно доставляет человеку, вступившему в мир с современной техникой и технологией. Сталкиваясь с современной техникой и технологией, изменить свое поведение таким образом, что по ряду важных характеристик оно будет напоминать поведение, характерным для представителей архаических обществ.

2 ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Коротко отметим те выявленные особенности психологии, которые можно было бы представить в виде «портрета» типичной личности», т. е. совокупности личностных черт, задаваемой условиями Арктики.

Среди тех людей, которых я изучал в Арктике, распространена такая особенность индивидуального психического, как высокая устойчивость вегетативной нервной системы к стрессорам физической природы (это и резкие перепады холода и холод), но при этом для нее характерна низкая устойчивость к стрессорам социальной природы (интенсивность и плотность межперсональных взаимодействий). Другой выраженной особенностью темперамента, свойственной большинству «полярников», является сравнительно высокий уровень эмоциональной реактивности и повышенная тревожность. Можно было бы говорить, что психотип «тревожного интроверта» весьма обычен в высоких широтах.

Целый ряд психологических черт личности имеет сезонную специфику. Он появляется в материалах изучения примерно сотни мужчин-северян, необходимо указать на следующие черты, свойственные большинству их. У многих снижена способность к доминированию (удивительно сходно это противоречие, сложившееся под влиянием рассказов Джека Лондона представления о суровом северном мужчине). Но при этом у них же наблюдается высокая потребность в независимости поведения. Воля как независимость поведения часто воспринимается как доминантность. Хотя стремление и способность к доминированию придают общительности оттенок социальных связей, а вот независимость поведения как раз определяется индивидуализмом.

Для многих из них характерна низкая общительность (сведение к интроверсированности) и повышенный уровень беспокойства, личностной тревожности. Другими словами, мы имеем дело с замкнутыми индивидуалистами, рассчитывающими прежде всего на собственные силы, независимых в своих стремлениях.

Отмечается высокая агрессивность при одновременно сниженном уровне демонстративной враждебности (человек всегда готов «к бою» и весь заточен к этой встрече — он не боится драться, но не рвется ударить).

Высокий уровень креативности (способность к поиску необычных решений) и повышена исследовательская активность (ориентация на новизну, неформальность).

Эти черты сочетаются со склонностью к риску и стремлению к поиску острых ощущений. Это кажется свойственным жителю Севера.

Такой достаточно объемный по составу и выраженности комплекс индивидуально-психологических черт и позволяет говорить о проявлении «полярной личности», адекватной по своему психологическому потенциалу и по структуре социального поведения экологически экстремальным условиям Арктики и Севера.

02 СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

02 БЕЛОЕ МОРЕ 1999

Эта экспедиция МАКЭ, целью которой было изучение соотношения социальных и экологических факторов в жизнедеятельности населения побережья Белого моря в кризисных социальных условиях, организована и проведена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 99-06-18013), Министерства культуры РФ и Московского общественного научного фонда при содействии Фонда Форда (грант № SP 99-1-14).

Экспедиция, как обычно для МАКЭ, была комплексной и имела в своем составе социологов и историков, биологов и экологов, архитекторов и художников, и даже группу видеооператоров. Она стартовала в начале июля 1999 г. в Кандалакше. Большую помощь в ее техническом оснащении оказал Кандалакшский государственный природный заповедник, предоставивший на условиях аренды морской транспорт (ХПРБ «Дрейф») и разрешил проведение части работ на охраняемой заповедной территории. Но суть дела благодаря тому, что в распоряжении экспедиции постоянно находилось судно, за период двух месяцев был обследован обширный район Кандалакшского залива Белого моря от самого кута до реки Варзуги на Терском берегу Кольского полуострова и до реки Кереть на Карельском берегу.

Концепция исследования базировалась на представлении о взаимообусловленном влиянии социальных и экологических факторов на историческое развитие и, вместе с этим поселение — на современные процессы жизнедеятельности каждого локального сообщества. Специфика исторического развития любого из локальных сообществ, имеющего тенденцию к формированию системных этнических признаков, обусловлена в равной мере как факторами социального порядка (точнее, социально-исторического), так и факторами экологического порядка, особенно значимыми в экстремальных природно-климатических условиях Севера.

Для полевого исследования имелись в виду два аспекта: 1) пространственно-социальный (современная жизнедеятельность и природопользование локальных сообществ) и 2) социально-исторический (процесс развития взаимодействия локального сообщества с природной средой, нашедший выражение в специфических формах хозяйствования и особенностях экологического сознания населения). Оба эти аспекта могут быть зафиксированы как в «срезовом» состоянии — при описании жизнедеятельности современных сообществ, — так и в форме памятников культуры и хозяйственной деятельности прошлого.

Эти обстоятельства определили выбор соответствующих методов комплексного исследования. Таких методов было несколько. Осуществлялась социологическая и социально-экономическая характеристика населенного пункта, основанная на анализе официальных документов, статистических данных, а также опроса коренного населения. Проводились рутинные социологические опросы как с помощью интервью, так и в анкетной форме для оценки образа жизни, особенностей природопользования, бытовой психологии, системы экологических знаний и представлений населения. Выявлялись и описывались памятники истории и культуры и хозяйственной деятельности населения. Проводилось эколого-географическое описание ландшафта в аспекте природопользования и хозяйственной деятельности населения. Осуществлялся популяционно-экологический анализ некоторых важных с точки зрения хозяйственной деятельности населения составляющих приморских и островных экосистем.

Три относительно самостоятельных — в методологии (специально-научным принципам), но концептуально и методологически связанные блока программы позволили получить целостное представление о жизнедеятельности поморского населения.

Первый блок образовали исследования структуры социальных отношений и форм жизнедеятельности локальных обществ как на уровне небольших сельских поселений, так и более крупных поселков и малых городов, расположенных по побережью Белого моря. Второй блок образовали исследования природно-экологических комплексов (ландшафтов), определяющих специфику традиционных и новых форм природопользования населения, в особенности запасы поморов о наиболее важных промысловых видах рыб. Третий блок — социально-исторические исследования памятников культурной и хозяйственной деятельности поморов.

По социологической части программы были обследованы 12 населенных пунктов в Республике Карелии, Мурманской и Архангельской областях. Результаты работы экспедиции были опубликованы в целом ряде изданий МАКЭ, представлены в электронных публикациях.

Экспедиция по реке Мезени замышлялась в течение 7 лет, но осуществилась довольно внезапно в августе 2006 года и оказалась своеобразным развитием полевых работ МАКЭ в сторону материка. Она была осуществлена благодаря финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-06-18001е «Местное общество перед угрозой вторжения. Оценка возможных социальных и экологических последствий промышленного освоения бассейна р. Мезени»). Экспедиция, подобно предыдущей экспедиции МАКЭ 1999 года в Кандалакшском заливе Белого моря, выстраивалась как комплексное полевое социологическое, социально-экологическое и историко-культурное исследование сельских обществ бассейна реки Мезени (Удорский район Коми, Мезенский район севера Архангельской области) в преддверии интенсивного промышленного освоения регионов Русского Севера (добыча нефти, газа, алмазов, бокситов).

Население Мезенского района, благодаря удалённости и изолированности, до сих пор сохраняет множество черт уклада традиционного крестьянского русского общества во всех сферах жизни — экономической (традиционное природопользование), социальной (сельский «мир» и самоуправление) и культурно-экологической (сохранение бытовых традиций, многовекового культурного ландшафта). Это одна из немногих территорий России, где не произошло сколько-нибудь значительного разрушения традиционного уклада жизни людей в советский период. Однако ожидаемые в скором времени радикальные изменения в экономической жизни региона — начало промышленной разработки месторождений алмазов, бокситов, приход нефтяных и газовых компаний ставят местное сельское общество перед угрозой разрушения всех сложившихся социокультурных отношений и хозяйственных связей.

Каковы ожидания, настроения и намерения людей в этих условиях? Какие превентивные меры предпринимает сейчас местное общество, чтобы сохранить свою жизнеспособность? Насколько готовы сельские общины и отдельные люди принять и усвоить новые стандарты экономических отношений? Насколько местное общество способно «переработать», без опасности полного разрушения, привносимые извне новые ценностные установки? Ответы на эти вопросы мы и собирались получить в ходе полевой работы.

Исследование проводилось в автономном режиме: в течение месяца команда из 6 исследователей сплавлялась на парусном катамаране фирмы «Кулик» с верховий реки Мезени, от города Усогорска. Вся протяженность реки до поселка Каменка составила около 550 км. Экспедицией были обследованы практически все населённые пункты из 43 мезенских поселений. Маршрут состоял из трёх частей. Первая треть маршрута — Удорская (Комяцкая) территория Мезени от Кослана и Усогорска до Латьюги (около 160 км), сохраняющая свою этническую и культурно-историческую самобытность с незапамятных времён. Действительно, поселения на этой части реки оказались сравнительно мало затронуты современными изменениями, а население живет в проблемах середины 90-х годов.

Вторая треть маршрута — Лешуконская (Русско-Комяцкая), от Родомы до Азанолья и Палуги (около 300 км), здесь располагаются населённые пункты, подвергнувшиеся уже более значительному воздействию современных индустрий. Посёлок Лешуконское, по численности в полтора раза больше города Мезени, являет собой тип современного ЛПТ со всеми «болячками» и проблемами, типичными для средней полосы, но усугублёнными удалённостью и экстремальностью жизнеобитания. Третья часть маршрута протяжённостью до 100 км — это собственно Мезенская (Поморская) волость от Целегоры до Мезени и Каменки (оба последних поселения напротив друг друга на разных берегах реки). Территория в максимальной степени испытала преобразовательные и разрушительные влияния советского и постсоветского времён и в настоящее время пребывает в состоянии упадка и исхода населения.

Используя автономное средство передвижения парусно-вёсельный катамаран — экспедиция имела возможность осуществлять, наряду с исследованием, и «культуртрегерскую» миссию: демонстрировать местным жителям, что зря они отказались от парусов в пользу мало полезных сейчас моторов. Жители имели возможность вспомнить, что круглое отверстие в носовой банке в далеком прошлом предназначалось для палки, называемой «мачта» и что к сей палке можно было приторочить кусок мешковины и, «оседлав» попутный ветерок, экономить семейный бюджет.

Помимо визуального обследования всех расположенных на реке населенных пунктов и интервью с их жителями, мы проводили также детализированное обследование, применяя анкеты для массового опроса населения, проводя экспертный опрос и собирая статистические и архивные данные, а также материалы местных СМИ. Были проведены обследования 8 населенных пунктов, включая районные центры.

03 КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ. 1999–2006 гг.

Полученные результаты в целом подтверждают другие мои наблюдения и свидетельствуют о замедлении процессов неадаптивных хаотических приспособлений поморских сообществ к кризисным изменениям в обществе. Происходит сравнительная стабилизация экономического поведения как всего локального сообщества, так и отдельных домохозяйств на Русском Севере. Это ожидаемый и естественный процесс, однако на Русском Севере он отчётливо замедлен по сравнению со многими регионами страны. Отставание составляет десятилетие: активность хозяйственной жизни и проблемы людей примерно те, что являлись ключевыми для большинства населения в середине 90-х годов.

Общее экономическое положение домохозяйств всё ещё продолжает оставаться тяжелым. Типичной формой приспособления остается натуральное подсобное хозяйство, морские и речные промыслы, заготовки леса, сбор дикоросов, охота, случайные приработки конъюнктурного характера.

Как и везде в стране, на Русском Севере мы объективно наблюдаем рост благосостояния населения. Хотя сами люди считают, что живут они по-прежнему плохо и трудно, но ситуация улучшилась радикально по сравнению даже с 1999 годом. Например, оценка людьми в провинции черты бедности составляла в начале 90-х (в пересчете на $USD) около 4 долларов в месяц на человека, в 1999 – 22–26 долларов, а в 2006 – уже 113 долларов. Реальный бюджет семьи из трех человек составлял, по самооценкам людей, в начале 90-х около 10–12 долларов, в 1999 – 47–61 доллар, а в 2006 – 559 долларов. По и потребности людей довольно быстро росли, оценки того уровня материального благополучия, когда человек считает, что проблем нет, составляли в начале 90-х около 30 долларов, в 1999 уже в 2–3 раза больше – 60–83 доллара (220 на семью), а в 2006 в десять раз больше – 331 доллар, или 992 на семью.

Немалая часть населения (каждый шестой) чувствует свою полную неспособность адаптироваться к новым социально-экономическим условиям жизни, трудности с приспособлением испытывает почти каждый второй. Таким образом, до 2–3 людей не чувствуют себя «хозяевами новой жизни». При этом нормальный уровень своей приспособленности отмечает лишь каждый десятый. И самооценка качества повседневного эмоционального состояния людей в целом неблагоприятна. Хотя она тоже выравнивается в это десятилетие. Если в 1999 почти 70 % признавали, что их повседневное состояние либо неважное, неудовлетворительное, либо совсем плохое, то в 2006 аналогичные самооценки только у 42 %. Соответствует такому настроению и планирование людьми своей трудовой и личной жизни. В 1999 более половины (до 60 %) либо вовсе не желают строить какие-то планы, либо затрудняются их определить. В 2006 такое отношение к будущему у 40 %.

Период кризисного развития общества в 90-е годы обусловил быстрые и радикальные изменения в мировоззрении и социальных установках населения. Он затронул самые разные стороны мировоззрения и «обыденной» идеологии людей. На уровне индивидуальных целей и ценностей начинают играть сравнительно большую роль индивидуалистические (эгоистические) жизненные установки, которые приходят на смену «социетальным» целям.

Продолжается тревожный процесс смещения иерархии ценностей индивида к низшим ценностям. С каждым годом все большее число людей в провинциальном обществе относят к числу важнейших индивидуальных ценностей не ценности личностного саморазвития (творчество, красота, свобода, познание, понимание) или самоутверждения человека в обществе (работа, активная жизнь, общественное признание, равенство людей и т.п.), и даже не ярко просоциальные ценности (любовь, дружба), а индивидуально ориентированные ценности физической безопасности и материального благополучия.

Соответственно и социальные ценностные предпочтения в обществе носят радикально материалистическую ориентацию: подавляющее большинство населения – до 4–5 населения – считают важнейшими условиями общественного развития в России обеспечение экономической стабильности, сохранение и повышение внутренней и внешней безопасности страны. Лишь менее 4–5 населения являются приверженцами ценностей социально-политических и гуманистических в качестве определяющих будущее развитие страны.

При всём том, несмотря на тенденции роста индивидуализма, «провинциальное» общество сохраняет и поддерживает на высоком уровне значение семейно-родственных и соседских связей. В нем нет проблемы одиночества, столь острой для западного общества. Практически каждый человек рассчитывает и имеет моральную (психологическую) и даже материальную поддержку со стороны своих близких – родственников и соседей. Это следует рассматривать в качестве важного фактора стабильности общества.

На уровне обыденного мировоззрения совокупность социальных установок, связанных с представлениями о нормах и стереотипах поведения людей, свидетельствует об отходе от традиционных («архаических») взглядов на нормы человеческого поведения, как целиком зависимые от общества, подчиненные ему. В «провинциальном» обществе доминирую-

ональную (специальную) профессиональную семью и профессиональную среду обитания) составляющие условия.

Религиозное сознание существенно влияет на формирование субъектности личности, поскольку вокруг религиозной веры возникает потребность в вере по-разному относиться к конфессиональной принадлежности и готовности к тесной связи с церковью. В течение всей истории особо отражается противоречие канонического понимания религии, по-своему, духовной общности людей, единого христианского мира и его обособленности, которое, как показывает исследование, может выражаться по-разному: как полному выражению религиозных чувств, так и формальному, соответственно, более жесткому или менее жесткому выполнению религиозных обрядов. Религиозное сознание является существенным условием по отношению к природе, жизни и вышестоящему Творцу во всех основных аспектах, которые устанавливают центр духовной жизни.

Таким образом, ценности, которые мы фиксируем как феномен сознания людей, создают объединение только вокруг новой экологической реальности, но и новое качество (модель) экономического развития сложившегося пространства и проживающих в регионе. Эти новые стратегии могут обеспечить обязательный принцип экологически ориентированного предпринимательства. Их перспективность определяется только перспективностью ресурсосберегающей технологии по формированию и получению стратегического качественного потенциала, в противовес существующим экстенсивным принципам человеческого ресурса. Это важный момент социально-экономического самоопределения локального сообщества. Это один из процессов, связанный с временными рамками общественного развития, независимо от местной и государственной власти.

* * *

Социальное все же влияние, предопределяющее поведение человека в течение почти двух десятилетий, показало специфичность поведения людей Севера, всего северного мышления, которым Север *отличен*. Северяне имеют свои особых по темпераменту и характеру людей, и это сложившиеся особенности в городской среде отличает их.

Структура социальных отношений, действующих в психологии сохраняют ценность стержневой, которой живет среда жителей современных городов. Но и стержневость есть не признак отсталости во времени, а длительный механизм, способ включения приспособления. Северу и обитающему человеку в Севере

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дозорский Н.В., Вехов Н.В., Бондарь А.Г., Шишкин Ю.М.* Исследования Морской арктической комплексной экспедиции на Белом море // Вестник РГНФ. М., 2001. № 1 (25). С. 23–31. *Pika-Biolzi, Jr. M.* A new Russia — or the same old Russia? Arctic narratives and worldview in the making // Russia's Far East through Russian eyes. Voices of the new generation. Westview press. Boulder, Colorado, 2001. P. 9–31.

2. Из материалов экспедиционных отчетов, данные личного архива Вареса, Новые Байдары, август 1989 г.

3. Из переписки книги Кострова и Мезени, 1923 г.

4. Интервью жителя Ненокса Г. Сидорова 2006 г.

5. *Шишкин Ю.М.* Номера. Население побережья Белого моря в годы кризиса. 1995–2001. Первозданное. Мезень. ПГУ, 2003. 144 с.

6. *Altman I., Vinsel A.M.* Personal space: An analysis of E.T. Hall's proxemics framework // Human behavior and environment: advances in theory and research (Vol. 1). N.Y.: Plenum, 1971. P. 181–259. *Altman I.* Environmental and social behavior. Monterey, Calif.: Brooks — Cole, 1975. Цит. по: Ю.М. Пространственное поведение человека (место и проксемические исследования). Новосибирск, 1990. 157 с.

7. *Pika-Biolzi, Jr. M.* Specific human behaviour in the Russian Arctic — Management, technology and human resources policy in the Arctic (the North). — Kluwer Acad. Publ. (The Netherlands), 1996. P. 149–153.